

ЯЗЫК: ПУТЬ К АБСОЛЮТУ

Морозов И.В.

Белорусский государственный университет
культуры и искусств

Прежде чем «изгнать» из Эдемских куш Адама с Евой ветхозаветный Бог удостоверился, смогут ли они не просто выжить, но быть, согласно задуманному, «как боги». Отчего он и устроил «выпускной» экзамен: «образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привёл их к человеку, чтобы видеть, как он назовёт их, и, чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей».

Исламский Аллах, согласно Корану был даже более последовательным, ибо, «установив на земле наместника» своего Адама, Он также принялся за его «образование»: «И научил Он Адама всем наукам, а потом их предложил ангелам... Он сказал: «О, Адам, сообщи нам имена их»... И вот сказали мы ангелам: “Поклонитесь Адаму!” И поклонились они...».

Господь-Аллах, очевидно, не без удовлетворения наблюдал, как исполняется его главный промысел, как человек соучаствует в Начале, дающем движение мысли. Словно, мать, заботливо отправляющая в житейский путь своих единокровцев. Потому как «обладающее именем – мать всех вещей» (Лао-Цзы). «*Nomina si nescis perit et cognitio rerum*» - Не знать имен — не знать и вещей (лат.).

Закономерно, что в полнозвучном мире имен-сущностей, уникальных место-имений выжить позволила разве что изродная общительность человека предполагала знание и собирание – созывание для своих нужд всех присущностей-имен его мира. Это их признание как обретенное знание, как самосоздание. Ведь людей создало именуемое признание, обуславливающее звательный падеж – исходный, самый первый падеж, господствующий. Поскольку он обязует задавать всему, на что направлено именование, свою позицию в системе координат мироздания, чтобы приближаться или удаляться от него,

ориентироваться и прокладывать путь. Именование – поиск и выбор, отыскание семантической цели, центра – сущностного образа и идеи. [1].

В том числе непременно и идею Бога, как абсолютную идею, идею Абсолюта. Так что в первых именах нераздельно уживались «существительным» с «глаголом». А высшему, священному действию, в котором, как частные случаи, заключены все действия нашей повседневности, с тех пор соответствует и высшее священное имя — Имя имен, Имя Бога. Таким образом, Бог — это поименованная принуждающая сила, Высшее Имя и одновременно Высший Глагол [1, с. 172].

Отсюда удостоверяемся, что в Начале действительно было Слово-Логос, которое реально означало не слово как таковое, а «силу языка», «силу именования». Поэтому-то «в Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков...». И Слово-Логос было Бог, как синергетический Абсолют, где есть одновременное бытие-сталость и осуществление-становление.

Молясь богам, мы уверены, что они понимают нас, то есть что говорим на одном с ними языке. А он, «организм духа» обеспокоен, озабочен нашим житейским место-имением, а также тем путем-поприщем, коим мы его отсылаем во Время. Поэтому-то «Бог заставляет нас говорить», - удовлетворяя свое вопрошание и молитвы-воззвания. Заставляет мыслить-говорить всеми одаренными-обретенными языками - речью, жестом, письмом, красками, камнем...

Более того, если мы признаем, именуем Бога Абсолютом и вступаем с ним в диалог - это верный посыл относиться к слову-языку как феномену тождественному Абсолюту, у которого априори должна быть некая независимая от внешних сиюминутных факторов, архетипическая, врожденная, универсальная, богоданная и боговзятая, абсолютная присущность. Она таится, точнее, явствуется в каждом акте смысловыражения в качестве «глубинной грамматики» (В. Гумбольдт), «априорной грамматики» (Э. Гуссерль). Той грамматики, что более сложна, чем самые толстые учебники по стилистике или чем большинство компьютерных языковых систем, и позволяющей назвать язык «хорошо отлаженным биологическим инстинктом». (С. Пинкер)

В основе всех этих «сверхсложных» «мистических» грамматик – гениальная простота, непреложно атрибутивная бинарная оппозиция-двучлен, состоящий из существительного (образ наличествующего бытия, имени) и глагола (образ диалектического свершения, вопрошания, молитвы, утверждения). В любом смысловыражении ни один из этих феноменов не может находиться, торить свой путь без реального или даже подразумеваемого соучастия другого «попутчика». В результате «атомарные факты» – предметность, движение, состояние, - в своем отношении-изменении образуют «атомарные предложения» (Б. Рассел). Схематично все они сводятся в качестве кванта всякой мысли-текста к универсальному грамматическому трехчлену:

Существительное – Глагол – Существительное*.

Это закономерный, естественный лингвистический эквивалент столь же универсального жизнетворческого трехчлена осуществляемой, воспринимаемой и рефлекслируемой локомоции-Пути в пространстве-времени:

Место – Переход – Место*

В сфере повседневности:

Ситуация – Событие – Ситуация*

Наконец, как феноменальная формула предназначения человека, каждого его помысла, поступка и жития в целом:

Имя – Вопрошание, Молитва, Утверждение – Имя*

И только через эту своеобразную молитву, самоисповедь обнаруживается наша духовность, априори задающая статус Языку, тип, функции которого есть «организм духа» [2, с. 308] И всеобщего, общечеловеческого, и квантового, личностного духа. Так что, если уж мы прибегаем к образу-символу Бога (конечно же, не в иконическом, но в метафизическом представлении) в дискурсе о Языке, то должны признать, что Бог нуждается в нашем говорении, видя в нем преисполнение и собственного предназначения Творца существа мыслящего, творящего. Ведь с человеком Он впервые заговорил, вступил в с-говор, диалог, из которого он должен был верифицировать содеянное, увидеть, что оно «хорошо».

Так происходит эволюция всякого человека, каждого этноса, человечества в целом, следовательно, и Бога, который в нас и нами желает верить, надеяться и утверждаться следует единым путем-судьбой: от всего бывшего ко всему предстоящему, которые уже есть настоящее, поскольку вплетены в единство Пути. И наше познание всецело подчинены ему. Поскольку единственное знание, которое нам здесь и теперь действительно нужно – это знание о том, как двигаться дальше [3].

«Мы говорим для того, чтобы сказать друг другу, куда ведет путь» [1, с 128]. В этой подвижной стихии «существительное» и «глагол» различимы, но едины как событие, как заповедные попутчики. Как единое синергетическое событие-происхождение Пути, вне пространственно-временного континуума которого нет ничего. И даже мистического Ничто обретает феноменальный смысл, подвигает к размышлению исключительно на контексте Пути, в качестве его антипода, антипути или ауры, в которой он осуществляется. Так и Язык – есть живой, бытийно-становящийся организм, истинность которого состоит в путетворческом слиянии Человека с Богом.

На этой основе видится возможность построение теории лингвистической абсолютности. В отличие от гипотезы лингвистической относительности, согласно которой реальный мир строится на основании языковых норм данной группы (Э. Сепир) и на факте того, что мы расчлняем природу в направлении, показанном нашим родным языком (Б.Л. Уорф), она полагает общечеловеческое общение-существование не суммой «атомарных фактов» и даже не «атомарными предложениями», но единым синергетическим феноменом бытия-становления человека-языка. Другими словами, чтобы мы ни думали-выражали, есть лингвистический акт, содержание и предназначение которого, вопрошание себя-в-мире и обмен с ним-собой оригинальной мыслью. Именно поэтому, на каком бы языке ни говорил человек, он говорит на общем языке и одновременно исключительно на своем-личностном, чем собственно и определяется его самость-самобытность, его уникальный Путь.

Отсюда практически все мифологические и религиозные концепции, то

есть исходные и, пожалуй, человековечные представления о мире своим сакральным стержнем имеют заповедный Путь.

Древнейшая мировая религия индуизм имеет многозначительное название на санскрите санáтана-дхárма - «вечный путь», или «вечная религия», «вечный закон».

Иудаизм зиждется на галахе (от глагола «ходить», обозначая «путь действия»), неколебимом своде законов, предопределяющее поведение как ведения себя по некоему идеальному Пути.

Иисус Христос настаивал, что оно есть «путь и истина и жизнь» и призывал следовать Ему.

Исламский Шариат (араб. шариа, букв. — «надлежащий путь»), свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашенных исламом «вечным и неизменным» плодом божественных установлений.

На Востоке – мистическое Дао, безначально-конечный Путь, где всякое имя-есть одновременно изменение в было-будет. И выразить этот мимолетный феномен наш язык еще не готов, но всячески тянется к нему как к Абсолюту. Пожалуй, это наиболее адекватное, человеко-божественное, по крайней мере, современное понимание Пути Человека-языка. Хотя оно трудно поддается нашей логике, но укладывается в парадигму постклассической науки. Согласуется с синергетическим мышлением – мышлением мультипарадигмальным, или даже межпарадигмальным. То есть мышлением общения, коммуникативным мышлением-языком-восприятием, актуализируемым в “Пути—Дао”, преодолевающим традиционные дисциплинарные границы [4]. А это означает абсолютное высвобождение, коль границы языка, согласно Витгенштейну, - границы моего мира.

Не случайно и не зря, познав в человеке, возможно, больше других, К.Г. Юнг, в конце концов, признает: человек есть Дао. За этим откровением вытаскивается «новая», непривычная для нашей логики-философии априорная, глубинно-высочайшая, «срединная» грамматика, к которой Человеко-язык идет ведомым только ей Путем-Абсолютом.

Литература

1. Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. / О. Розеншток-Хюсси — М., 1997.— 288 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт - М., 1984. – 250 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. / Л. Витгенштейн. – М., 1994.
4. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. / В.И. Аршинов – М., 1999.